

«СКАЖИТЕ, САН САНЫЧ...»

РАЗГОВАРИВАЕМ серьезно. Прежде чем дать согласие на беседу, Александр Александрович Иванов так и предупредил:

— Разговариваем серьезно...

Что ж, подумали мы, видимо, и юмористам надоело заниматься собственным делом, и они ударились в политику. Впрочем, юмор, сатира и политика сегодня так переплелись, что поди разберись, где кончается одно, а где начинается другое.

С этого мы и начали разговор:

— Александр Александрович, раньше спрашивали: почему вы пошли в депутаты, а теперь: почему вы не стали баллотироваться? С вашей-то популярностью шансы явно были...

— Я независим, насколько это у нас возможно. А депутат зависим от своих избирателей. Кроме того, полагаю, депутат должен отдавать своим обязанностям все время без остатка. Я этого сделать не могу и не хочу. Если выступление политика вызывает смех, то он не политик, а шут гороховый. Вы часто смеетесь над выступлениями Собчака, Попова, Афанасьева, Шмелева, Станкевича? А вот слушая иных ретивых, мне становится либо смешно, либо страшно...

— А кто в правительстве обладает наиболее качественным чувством юмора?

— Министр финансов Павлов. Дело ему выпало нешуточное, но чувство юмора ему не изменяет...

— Сегодня залы собирают только встречи с народными депутатами и с сатириками. Но если раньше и те, и другие все-таки пытались вселить в нас оптимизм, то теперь... Последние вещи Жванецкого не смех, а горькие слезы вызывают...

— Знаете, шоу типа шоу Бенни Хилла могли возникнуть только в очень благополучном обществе. А у нас откуда взяться такому беззаботному, самокайфующему юмору? Ну и насчет полных залов... Так политики сейчас собирают значительно большую аудиторию. Не так давно я узнал, что некоторые спектакли Театра на Таганке идут при полупустом зале.

— А вам не кажется, что сегодня сатирики рангом и талантом пониже Жванецкого, Задорнова стали пытаться допрыгнуть до популярности некоторых политиков и просто занялись левой конъюнктурой?

— Опасения ваши, к сожалению, правильны. Жванецкий, перейдя на какие-то острые, трагические вещи, остался художником. Просто такой период в жизни страны так на нем отражается. А что касается халтурщиков... Так они были и есть всегда. Пусть работают где-

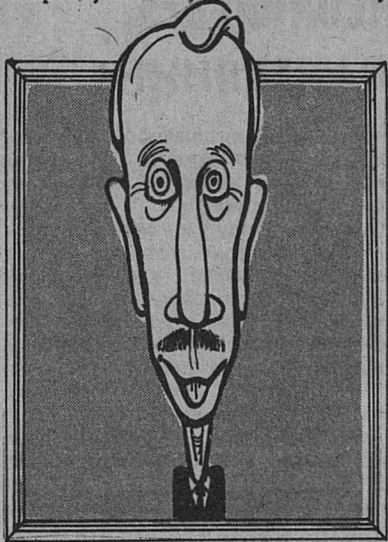
нибудь в частных кафе, пытаются смешить публику. Бог с ними...

— Александр Александрович, скажите, вы уже столько лет на эстраде. Не надоело смешить публику?

— Ну а разве я так много смешивал публику? Послушайте внимательно...

— Значит, выступая, вы преследуете иные цели? Пользуетесь популярностью, мы бы сказали, для образования зрителей?

— Ну конечно. Только я бы назвал это не «популярностью», а скорее, уличной узнаваемостью. Ну

люди смотрят на меня: «А, это из «Вокруг смеха». И улыбаются. И я радуюсь, когда люди улыбаются. Это же хорошо, когда у них становится лучше настроение.

— В 70-е годы вы выступали в одной программе с Жванецким. Здорово вас тогда гоняли?

— Ну какие такие особые гонения? Понимаете, выдавать Жванецкого за какую-то особую жертву не стоит. Ну, гадили, писали доносы, ну, не сразу приняли в Союз писателей, отменяли концерты... Но он писал, выступал с огромным успехом, расходились кассеты.

А я вообще был благополучным человеком. Потому что писал пародии на литературные произведения, на конкретных лиц. Это опасений не вызывало. Ну а если я писал пародии на власть имущих писателей, то их просто не печатали.

— Значит, судьба ваша сложилась счастливо и благополучно?

— В этом смысле — конечно. Когда вокруг было столько крови... Ни Жванецкий, ни я не были открытыми борцами. Мы находились на этой стороне, и тем не менее не подписывали писем, не выходили на Красную площадь с протестами, с плакатами. Мы делали свое дело. На нас шипели... Нормально.

— Может, не каждому пужно выходить на площадь?

— Да, не каждому. Вышло ведь несколько человек в многомиллионном городе. Они — герои. Но я, наверно, не герой. Конечно, не герой.

Как-то мы разговаривали на эту тему с эстрадным драматургом Аркадием Хайтом. Он сказал так: «Я за борьбу цивилизованную, вплоть до дуэли, но на равных. У нас такой борьбы нет. Ты им подпиши, статью, стихи, плакат. А тебе срок, убийство, пожизненно сумасшедший дом. Я на таких условиях бороться не желаю». И я с ним согласился.

— Один неэтичный вопрос. А сейчас вам не припомнили те самые литературные пародии, когда новый главный редактор главной редакции литературно-драматических программ ЦТ С. Рыбас в интервью сказал, что собирается изменить «Вокруг смеха»?

— На телевидении я не работаю. Пригласили со стороны как ведущего. А сложности — это внутреннее дело редакции. Быть передаче или нет — пусть решают зрители. А с товарищем Рыбасом я не имею чести быть знакомым.

— Знаете, когда вы ведете «Вокруг смеха», иногда чувствуется, что стиль читаемого текста различный. Кто его пишет?

— Сценарий — это коллективное творчество. Садимся автор сценария, редактор и я за пишущую машинку и вместе набрасываем текст. Передачи ведь бывают разные. Если я сижу за столом, то могу читать текст, я ведь писатель, у меня есть бумаги. А если я на улице, не буду же я из кармана тащить бумажку. Учтите, передаче ведь двенадцатый год. Конечно, меняется манера ведущего, и настроение бывает разное.

— Вас не настораживает, что двенадцать лет передаче, а лица в основном одни и те же?

— А где взять другие? Со временем, наверное, появятся. Всегда то подъем, то спад. Достаточно появиться одному яркому, талантливому человеку, как вокруг образуется какая-то школа. Сейчас жанр монолога, фельетона — жанр искусства.

— И последнее. Как относится ваша семья к тому, что вы делаете?

— Хорошо. Особенно кот и собака.

— Вот как? Чем же вы кормите свою живность?

— Ну, что сам ем, что удается достать.

— Говорят, что нашу колбасу кошки не едят?

— Поджарить колбаску можно. А что делать?

Беседовали
А. БАРБАКАРУ,
А. МИЛКУС.

Дружеский шарж А. ИОРША.